

СТЕПЬ ТРАССА И МАЛЕНЬКИЕ СТРАХИ

АНДРЕЙ МИСЮРИН

Андрей Мисюрин

Степь, трасса и маленькие страхи

«Автор»

2026

Мисюрин А. В.

Степь, трасса и маленькие страхи / А. В. Мисюрин — «Автор», 2026

В сборник «Степь, трасса и маленькие страхи» вошли разноплановые зарисовки и рассказы, объединённые темой человеческих переживаний — от бытовых до глубоко личных. Здесь соседствуют ироничные, почти анекдотичные истории и тонкие лирические эпизоды. В одном из рассказов компания друзей сталкивается с курьёзом вокруг культового блюда: любовь к плову и борьба за вожделенный запечённый чеснок оборачиваются почти международным скандалом — и раскрывают характеры героев ярче любых длинных описаний. Другие тексты погружают в мир ребёнка: через детское восприятие раскрываются первые столкновения со страхом, непониманием и взрослением. Мальчик, очарованный степью и загадками мира, верит в «куриную слепоту» как в волшебную силу, а потом, благодаря терпению и заботе старшего брата, учится видеть реальность и перестаёт бояться темноты. Сборник будет интересен тем, кто ценит психологическую прозу, живые диалоги и искренние, без пафоса, истории о людях и их отношениях.

© Мисюрин А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Андрей Мисюрин

Степь, трасса и маленькие страхи

Глава

Обезьянка Наташка

По левой стороне Ленинского проспекта вместо привычных «хрущёвок» построили подряд три сдвоенных девятиэтажных дома. Ещё не успели окончательно разобрать деревянный забор, который ограждал строительную площадку, как в этих домах, то в одном, то в другом месте, по вечерам затеплились желтоватые огоньки: стали заселяться жильцы. Хотя строительный мусор не был до конца убран, вокруг домов уже засновали стайки гуляющих ребятишек. В те далёкие уже семидесятые годы дети были в каждой семье, тем более в этом степном патриархальном городе на северо-западе Казахстана. Детей возле новых домов гуляло много.

Мы иногда приходили сюда из наших хрущёвских, так называемых «Диких дворов», поглазеть на новые дома. Усаживались на доски сокрушённых и поваленных заборов. Грызли семечки и плевали себе под ноги чёрной, остро пахнущей жареной шелухой. Девочки из новых домов опасливо на нас поглядывали, прежде чем затеять игру, но потом забывались и весело щебетали, прыгая через резиночку или перескакивая через расчерченные мелом квадраты «классов». Пацаны из новых домов, завидя нас, топтались где-то поодаль, с тревогой посматривая на нас. Их было поменьше, чем нас, и они пока ещё не чувствовали себя полноценными хозяевами этого места. Со временем они освоились, и потом лишь немногие из нас отваживались в одиночку пересекать территорию их дворов.

Самой весёлой и озорной была Наташка: высокая, стройная, смуглая девочка, похожая на обезьянку. Некрасивая, она всегда была в гуще событий. Она ещё больше оживлялась, когда приходили мы, благодарные зрители.

Этим летом, как и прошлым, мы все были обуты в резиновые кеды. На пружинистых оконечностях моих спортивных тапочек синей шариковой ручкой по белому было написано: «Пни». Наташка, пробегая, остановилась и прочла: «Пни».

— Ты что, пенёк?

— Сама ты пенёк!

— Но у тебя же написано. Прочитай сам: «Пни».

— Ты ближе подойди и получше прочитай!

Она так близко подошла ко мне, что стал ощутим её запах: смесь девчачьего пота и чего-то цветочного.

— Пни-пни-пни! Пенёк-пенёк-пенёк! — стала она кривляться и чирикать.

Я подался к ней, она развернулась и попыталась убежать, но я схватил её за руку, а правой ногой дал ей поджоппник, тем самым кедом с надписью «Пни». Пацаны заржали, сильно запахло жареными семечками.

— Ты что, дурак, мне же больно! Я Сашке всё расскажу!

— Да хоть Пашке! Ты же сама попросила.

— Я не просила!

— Просила. Сказала: «Пни».

— Ты дурак и не лечишься! Пенёк! Дурак! — Наташка размазывала одной рукой слёзы по щекам, а другой потирала ушибленную ягодицу. Похныкав минуты две, она пошла, прихрамывая, в сторону подъезда и скрылась в нём. Мне лишь мгновение было совестно за свою выходку и жаль Наташку, но одобрительное ржание моих дружков было столь заразительным, что и я быстро настроился на весёлый лад и присоединился к их хохоту.

Прошло две недели. За это время мы с отцом и братьями съездили на рыбалку. Мы жили в палатке, плескались в прохладной и быстрой речке Каргале, вдоволь наловили сопливых ершей, колючих окуней, серебристых краснопёрок и увесистых, как слесарное зубило, щурят. Поймали даже одного суслика: выманили его из норы, вылив в неё пару вёдер речной воды. Ночью нам светили звёзды, а самая яркая из них — Венера — с наступлением сумерек появлялась всегда на одном и том же месте, но потом довольно быстро перемещалась слева направо и к утру оказывалась уже совсем в другой части неба, ближе к старой развесистой иве, склонившейся над омутом, полным окуней. Оказалось, что Венера вовсе не звезда, а планета, вроде нашей Земли, только вся облитая серной кислотой и раскалённая донельзя. Об этом мне рассказал брат Виталик. А брат Серёга рассказал, что Венеркой зовут его одноклассницу и у неё уже выросли большие буфера. Глядя на Венеру, мне почему-то вспоминалась обезьянка Наташка. Я прямо-таки видел, как она лихо прыгает через верёвочку или карабкается на корточках на железную горку прямо по гладкому блестящему скату. Хотелось почему-то снова услышать её птичье «пни-пни-пни» и дать ей поджопник, но уже легонько, не от души, как в прошлый раз. Когда мы варили на костре в котелке суп из пакетиков, то на поверхности плавали звёздочки из теста. Мы называли это походное варево «суп с Венерами». Когда я ел этот отдающий копчёностями суп, то тоже вспоминал смуглую Наташку и думал: как она там?

И вот я снова её увидел. Но это было уже не возле её девятиэтажного дома, а около нашей свежеекрашенной жёлтой краской школы номер три. Оказалось, что Наташка будет учиться в одной школе со мной, в параллельном классе. Каникулы кончились, суровая действительность безжалостно накатила на нас, на пацанов, и мы, принаряженные, с пионерскими красными галстуками и новенькими дерматиновыми портфелями, утром первого сентября стояли и грызли семечки на школьном дворе в ожидании начала линейки. И вдруг вошла Венера! Появилась Наташка, почему-то в тёмно-голубом платье с белым кружевным воротничком. Все девчонки были в коричневых форменных платьях с белыми передниками, одна только Наташка почему-то была в этом голубом, без передника. С букетом гладиолусов. Вёл Наташку рослый старшеклассник, тоже смуглый, как и она сама. Это и был Сашка, её старший брат.

Сашка вечером того же дня проявил себя как брат очень строгий.

После уроков, побросав портфели и наскоро перекусив, мы, пацаны из нашей панельной пятиэтажки, пошли гулять. Сначала погоняли мяч у нас во дворе, потравили анекдоты, сыграли в «Испорченный телефон» и чехарду. Потом я предложил: «Сходим к новым домам?» И мы пошли к новым домам.

Сломанных заборов около них уже не было, ни единой досочки. И весь прочий строительный мусор тоже уже был убран. Бордюры побелены, высажены кусты акации и смородины. Небольшие карагачи были посажены по двору, сидели каждый в своей лунке, стволы снизу побелены извёсткой. Посреди двора был сооружён спортивный городок: стоял стол для настольного тенниса, несколько лесенок, турники. Вся наша компания влезла на теннисный стол и расселась на нём. Кто-то разлёгся, кто-то уселся и свесил ноги в кедах. Потянулся сигаретный дымок, на землю полетела шелуха семечек.

Наташка и ещё две девчонки выделялись около турников и лесенок. Завидев нас, Наташка тут же обезьянкой вскарабкалась по лесенке, перебралась на турник, повисла на нём

сначала на животе, свесив руки и ноги. Проболталась так, потом схватилась за перекладину руками, закинула на неё ноги и отпустила руки. Повисла на согнутых ногах, перекладина под коленками, голова и руки опущены вниз. Длинный хвост её прямых русых волос достал почти до земли. Наташка стала раскачиваться, её клетчатая юбка раскрылась, как цветок, и в середине мы увидели Наташкину оттопыренную круглую задницу в белых трусах. Все заржали, а мне почему-то было не смешно. Раскачавшись, Наташка выпрямила ноги, в воздухе немного перевернулась и приземлилась на четвереньки. Ободрала бы коленки, но её подхватил Сашка, старший брат, неожиданно подошедший.

— Ах ты, курва, жопой тут сверкаешь! Быстро домой! — Сашка влепил сестре затрещину и поволок её за волосы в сторону подъезда. Наташка слабо сопротивлялась, а он волочил её, как куклу. Когда они уже входили в двери подъезда, я вынул из кармана рогатку, подобрал с земли увесистый крепкий камень, прицелился и с щелчком выстрелил Сашке прямо в затылок. Сашка дёрнулся, а потом рванул за мной, но я бежал, как заяц, перепрыгивая через кусты акации, и он меня не догнал.

В первое воскресенье октября был День учителя, а в субботу силами учеников в школе для учителей был дан концерт самодеятельности. Пели на сцене то хором, то поодиночке, плясали матросский танец и даже гопак. Читали стихи о советском паспорте и о Вовке — добрая душа. «Зачем ты встречи ждёшь с Москвой, скажи, ровесник! Затем, чтоб вместе мы с тобой сложили песню!» Был один акробатический номер, а мой одноклассник, очкарик Коля, показывал фокус с дрессированным карандашом и стеклянной бутылкой. Одним из номеров был балет. Приглушили свет, и в ярко освещённом круге на сцене оказалась Наташка, вся беленькая, в круглой растопыренной юбке, похожей на звёздочку из теста из нашего походного супа. Из-под юбки виднелась круглая жопа Наташки в белых трусах. Сашка сидел в первом ряду недалеко от меня, но даже не дёрнулся. Под приятную, чем-то знакомую мне музыку Наташка перемещалась на цыпочках туда-сюда по сцене, как Венера по нашему степному небу. И была такой же, как Венера, ослепительно яркой.

После концерта я среди самых последних выходил из школы. Когда я спускался по ступеням крыльца, ко мне подошла в сером пальтишке и в пушистой шапочке Наташка и что-то молча сунула мне в ладонь. И тут же отошла в сторону, а потом совсем ушла, и вместе с ней Сашка и их родители. Я разжал ладонь: на ней сахарно блестела горсть мелких белых круглых конфеток-драже. Я раскусил один такой шарик: вкус оказался цветочный.

А вскоре Наташка и её семья переехали в другой город. Отец у ней был геолог, наверное, в наших краях уже всё, что надо, разведал, и поэтому перекочевал в другие края в поисках полезных ископаемых.

Профессор Поляков

Профессор Евгений Борисович Поляков зарезал главного редактора газеты «Путь к коммунизму» Фёдора Лукича Колия. По этой причине профессор стал часто навещать нас домой и вести долгие душевные беседы с моим отцом за бутылкой коньяка.

Обычно он приходил вечерами по пятницам, один или два раза в месяц: грузный, коренастый, всегда долго возился в прихожей, разуваясь и пристраивая свою обувь среди наших хаотически разбросанных башмаков, ботинок, туфель и кедров. По-моему, он и нашу обувь старался сортировать и правильно расставлять. После его визитов в прихожей становилось просторнее: вся обувь стояла, как солдаты на плацу, готовая хоть в бой, хоть на парад. Но свои кеды посреди этого порядка я находил потом с трудом, так как им, стремительным, порядок был вреден.

Профессор никогда не являлся один. Жены и детей у него в то время не было, зато он приводил с собой толстую болонку-кобелька Чапу. Чапа, за неимением собственной обуви, не разувался, а тут же начинал стремительно носиться по всем комнатам босиком, если двери были открыты. Вместе с Чапой носился по комнатам и я, полностью копируя поведение собаки, — только что не лаял, хотя сейчас я в этом не уверен: может быть, и лаял иногда.

Мой отец приглашал профессора в самую большую комнату нашей квартиры, которую по советской привычке мы называли «зал». Назвать гостиной эту комнату в панельном доме хрущёвской постройки язык бы не повернулся, а в те годы я и значения этого слова толком не знал, хотя и слышал его неоднократно, а ещё чаще встречал в книгах нашей обширной домашней библиотеки. Книги я тогда читал запоем, хотя иногда использовал их не по назначению: выстраивал из них баррикады и башни для военных игр с братьями или друзьями.

Мой отец и Евгений Борисович усаживались за продолговатый невысокий столик, который назывался у нас журнальным. Столик этот имел отвратительный характер: он совсем не выносил никакого интенсивного физического воздействия, поэтому у него регулярно подламывались и отваливались ноги во время наших с братьями игр и баталлий. Отец одно время пытался склеивать места переломов, но этого ремонта хватало ненадолго. Дольше и крепче, чем прочие, действовал казеиновый клей, но он был менее всего эстетичен, так как оставлял заметные белые швы на фоне чёрной краски. Вонючий столярный клей был примерно в два раза слабее казеинового, и его крепости хватало примерно на неделю. Столярный клей отец разогревал на водяной бане, отчего по всей квартире разносился сильный запах псины. На мой вопрос о причине невероятного запаха отец разъяснил мне, что этот клей делают из вываренных собачьих костей, а кости эти вонючие. Вместе с клейким составом из костей вываривался и запах — всё вместе это и составляло формулу знаменитого на весь мир столярного клея. Одно время я думал, что мастера по изготовлению мебели и живодёры-собачники — это один профессиональный цех. Тогда я ещё ничего не знал об идее разделения труда. Когда я пытался узнать у отца, из каких костей варят казеиновый клей, то очень удивился, что его делают из молока. Молоко — текучая, совсем не клейкая субстанция. Кому только в голову могло прийти делать клей из молока? Казеиновой склейки хватало почти на месяц. Синтетические клеи — БФ-2 и ПВА — оказались совсем слабаками и скрепляли ноги столика не более чем на два-три дня.

В конце концов отец отказался от использования клеящих составов, просверлил в нужных местах ножек сквозные отверстия, вставил в них металлические штыри и навернул с обеих сторон гайки и контргайки. С тех пор ноги у стола держались несмотря ни на что. Вот об эти гайки и разрывал себе то и дело штаны профессор Поляков во время посиделок с моим отцом.

Оба серьёзных мужчины, прежде чем начать разговор, закуривали: отец — крепкие «Казахстанские», профессор — болгарские «Родопы» или «Шипку», послабее. Коньяк разливали почему-то в тонкие пивные стаканы, по стенкам которых многократно повторялась надпись по-чешски: «На здравие!». Впрочем, иногда приятели пиво тоже пили, но коньяк и в этих случаях всё равно присутствовал на столе, так как профессор неизменно приносил с собой по бутылочке. Закуску почему-то они раскладывали всегда на газете: этого требовала неистребимая со студенческих времён отцовская привычка к походным разновидностям застолья, а также пламенная любовь и доверие к печатному слову.

Во время первого визита в наш дом профессор Поляков расстелил на журнальном столике экземпляр газеты «Путь к коммунизму» с некрологом, сообщавшим о безвременной кончине главного редактора этого издания. Некролог я не читал, но заметил, что он занимал четверть газетного разворота, а портрет покойного составлял примерно половину некролога. Выкурив по сигарете, отец и профессор выпили, не чокаясь, по два пальца коньяку за упокой хорошего человека, каким был незабвенный Фёдор Лукич. Потом они тепло вспоминали о том,

как много сделал покойный для становления газеты, сколько нужных и полезных рубрик им было предложено и внедрено.

Во-первых, став главным редактором, он поменял название газеты: вместо индифферентной «Актюбинской правды» она получила гордое, побуждающее к действию имя «Путь к коммунизму». Во-вторых, в газете появилась «Галерея Героев Труда»: графические портреты передовиков производства. Это была отличная идея: ведь на казённых фотографиях люди всегда выглядят напряжённо и неестественно — вот как сейчас сам Фёдор Лукич на фото в некрологе. А ведь настоящий художник может уловить какую-нибудь мимолётную, но очень важную характерную черту человека, поэтому рисованный передовик получался более живым и достоверным, чем на фотопортрете.

Была в газете ещё одна важная и популярная рубрика — «Доска Почёта», на которой, как в турнирной таблице, помещали результаты социалистического соревнования. Как же радовались руководители районов, если видели себя в верхней части таблицы, и как же они печалились, когда были отмечены внизу, среди отстающих. Газета была очень популярной и выходила значительным тиражом, поэтому весь город и область мгновенно узнавали об успехах или просчётах каждого, кто был упомянут в рейтинге. Какой хороший стимул для развития, для исправления ошибок и недочётов!

В газете бывали интересные очерки, причём не только о стремящихся к коммунизму людях, но и о тех, кто двигался прямо в противоположном направлении. Если проходил громкий судебный процесс и ворюгу или убийцу приговаривали к смертной казни, то подробности их гнусных дел, от которых стыла в жилах кровь, красочно описывали бойкие перья. Такие очерки неизменно заканчивались фразой: «Приговор приведён в исполнение». Например, некто Адылов целыми вагонами тырил и сплавлял в соседнюю область красивые женские сапоги, а наши местные дамы из-за этого ходили, как замухрышки, в плохой, невзрачной обуви. Расстреляли гада.

По субботам была как баня для души: на последней странице газеты публиковали стихи местных поэтов. Мой отец тоже регулярно размещал в этой газете свои поэтические произведения, мечтая когда-нибудь поддержать в руках и собственную книжку стихов. Как сейчас говорят — спойлер, — этого так никогда и не произошло.

И вот случилась беда: от некачественного ли угощения где-нибудь во время важной командировки, по иным ли естественным причинам, но после праздничного застолья у главного редактора резко вдруг заболело в правом боку. Скорая доставила его в областную больницу, а там — доктор Поляков. Хороший, между прочим, доктор, просто отличный, замечательный хирург. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает: что-то где-то как-то пошло не так, и пациент умер прямо на столе, а профессор Поляков просто обомлел от ужаса. Ведь погиб не заурядный труженик и даже не просто передовик, а целый главный редактор основной газеты нашей области — газеты, призывающей и активно ведущей всех нас в самое светлое будущее, полной самых хлёстких и жизнеутверждающих передовиц. Умер человек не просто заметный, а в своём роде единственный и незаменимый. А красочные очерки в этой газете профессор Поляков тоже, как и я, читал и отлично знал, что значит «Приговор приведён в исполнение». Каждый волосок на теле профессора стал дыбом от ужаса, а ведь доктор был изрядно волосат и телом крупен, так что потрясение было изрядным.

Начали задавать вопросы и присматриваться к профессору Полякову. У родственников погибшего возникли нехорошие мысли об уровне нашей советской медицины и конкретно об этом эпизоде оказания хирургической помощи. Некоторые коллеги перестали с Евгением Борисовичем здороваться и обходили его стороной. Типография вдруг задержала выпуск монографии «Использование мацерированных стержней гусиных перьев для фиксации костных обломков и лечения сложных переломов», автором которой был герой нашего повествования. Профессор погрузился в размышления, стал задумчив и печален. Забывал вовремя кормить

и даже выгуливать Чапу, отчего собачка схуднула, а в квартире доктора запахло столярным клеем.

Профессор взял отпуск за свой счёт в надежде, что всё утихнет само собой, если он не будет никому мозолить глаза. Разыскал на антресолях свою старую брезентовую палатку, которой он не пользовался со студенческих времён. Одолжил у соседа по лестничной клетке спальный мешок. Купил в магазине «Рыболов-спортсмен» набор крючков, грузил и поплавков, а ещё три катушки капроновой лески производства Вологодской лыжной фабрики. В магазине «Охотник» на колхозном рынке приобрёл котелок и к нему складную чёрную треногу с крючком. За всеми этими хлопотами чувство тревоги немного притупилось: вместо отчаяния и паники Поляков ощущал теперь только лёгкий холодок где-то между верхней частью объёмного живота и нижней кромкой волосистой части груди. И холодок этот был постоянным и очень неприятным.

На следующий день профессор с утра пораньше закинул рюкзак и палатку в багажник горбатого «Запорожца» и бросил Чапу за спинку водительского сиденья, предоставив животному возможность самому отыскать себе удобное местечко. Чапа недовольно взвизгнул, но потом вскочил на заднее сиденье и там устроился. Подумав несколько минут, Евгений Борисович поставил машину на нейтральную скорость и вытолкнул своего железного конька-горбунка со двора в проезд. Этот странный поступок объяснялся желанием профессора улизнуть потихому, чтобы никто из соседей не знал, что он уезжает. А Чапа своим повизгиванием навёл профессора на эту светлую мысль. Навык конспиративного поведения прорезался у профессора не без влияния недавно просмотренного сериала «Семнадцать мгновений весны».

Только за воротами профессор завёл «Запорожец», крутанув коленвал пару раз изогнутой заводной ручкой, сел за руль и поехал из города в сторону Мугоджарских гор, серьёзный и молчаливый, как штурмбанфюрер Штирлиц, хотя внешне Поляков скорее походил на Бормана.

Именно там, у невысокого лысого горного хребта, на берегу речки Каргала, Евгений Борисович встретился и познакомился с нашей компанией: с моим отцом, моими братьями и мною. Казалось бы, ну чего такого: сошлись рыбаки у одного водоёма, познакомились, перекинулись словечком, обменялись историями в тему. Но профессор Поляков увидел в этом знакомстве несомненный для себя знак перемены к лучшему. Он страшно был рад, что столкнулся на лоне природы именно с моим отцом, так как папа мой работал в отделе здравоохранения и науки нашего местного Областного комитета КПСС, для краткости называемого всеми обкомом партии.

Вот и стал по возвращении с рыбалки захаживать к нам Поляков на правах хорошего знакомого.

— Представляешь, Виталий Иванович, — я вот этими самыми руками всё у него из брюшной полости доставал. А там кал один сплошной был. Вот прямо этими руками я всё это вычерпывал, — и Евгений Борисович, собрав ладони в ковшик, показывал, как он это делал: вынимал из живота главного редактора газеты «Путь к коммунизму» кал. Внешняя сторона кистей и толстые пальцы профессора поросли жёлто-рыжими волосками и словно всё ещё были покрыты той самой субстанцией, о которой он рассказывал, сидя у нас в зале за журнальным столиком.

Левая штанина Евгения Борисовича уже была подцеплена одним из болтов, связующих и укрепляющих ножки стола. Ещё мгновение — и с лёгким треском небольшой клочок шерсти был навсегда вырван из новых полосатых брюк профессора:

— А, чтоб тебя!

Мой отец в шерстяных синих трениках и в такой же олимпийке со смехом показал на небольшие дырки на своих коленях:

— Я вот тоже постоянно цепляюсь за эти штыри. Видите, совсем новый спортивный костюм, а уже в дырках. Но от моих пацанов надо на болты всю мебель сажать, иначе раскурочат.

Я потихоньку ретировался из комнаты: «Семнадцать мгновений весны» я тоже видел и умел действовать решительно и скрытно.

Я нацепил поводок к ошейнику Чапы и вышел с собакой во двор. Прямо около нашего подъезда стояла полная дама в шляпе с похожей на Чапу болонкой, только не такой жирной и не желтоватого оттенка, а совсем беленькой. Оказалось, что Чапа — очень неплохой спортсмен, несмотря на хроническое переедание. Чапа бодрой рысью подбежал к беленькой собачке, обнюхал её и быстренько заскочил ей передними лапами прямо на спину сзади. Заскочив, Чапа стал бороться с чистенькой болонкой, явно пытаясь её повалить, — уж очень Чапа дёргался и наседал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.